

Начну сразу с цитаты – из «ПОСТСКРИПТУМА»:

Если каждая фраза
скрывает в себе ремесло,
И сбывается слово,
и слово сказавший на страже,
Значит мне, как нашедшему имя твоё,
повезло...
Я могу повторить его.
Всё остальное не важно.

А вот – «ПОДСОЛНУХИ»:

Горластые цветы
Нас окликали около земли.
В который день обручены:
Дожди пошли и время завели.

Потому что его хочется тщательно цитировать почти всего – верный знак истинной поэзии. Не отдельные цитатные находки, а, говоря словами знаменитого индусского мистика Кришнамурти, – «пространственные мыслеобразы» – вехи.

Он не синтезирует композиционно – он как бы раздробляет вещественный мир по своему произволению. А скрепами ему служат именно эти мыслеобразы, которые протекают по стихотворению подобно дыму.

В его метафорических словах есть пространство, «воздух» мысли, которым дышат и движутся из ничего в теплоту вещественного времени. Сама душа источает мысли:

Все сроки за полночь.
И мысли о вчерашнем
утратили реальность, превзошли
себя и стали краше.

Время и пространство составляют, вернее, выпадают в предания, в ставшую мнимой действительность. Но эти преданья не конкретны и не сюжетны – они тени, мимолётности, скользнувшие по полушариям сердца.

Тема как таковая в его стихах обыкновенно мало означается, функции темы выполняют его виденья. Отсюда и некоторая миражность красок и линий; за черно-белыми кулисами театра-мира – ни сцены, ни актеров:

Красна бессонница и память не у дел,
предел желания пораньше отлучиться.
Как если бы я выкрикнуть посмел,
при ярком свете опознав сновидца.

Актёр и режиссёр – он сам, не управляющий действием и забывший свои роли. В этот мир он не вскоренён, он безроден в этом смысле. Он и на земле взирает, как из космоса, издали, видя и фиксируя только крупные детали, штрихи. Это не прямое виденье, а в увеличительные окуляры.

Слово и речь главенствуют в его мире переходов, перетёков, миражей. Речь – высказанное слово по его лирическому знаку украшают и преобразуют мир:

Ибо после речи
Уходящее из дому прошлое
становится и без времени лучезарно.

Душа и вселенная тем самым уравниваются в него в своём значении, даже меняются качествами друг с другом. Отсюда какая-то отзывчивость и прерывность его поэтической речи, а само стихотворение состоит из отдельных фрагментов, из знаков ещё не написанной или давно утерянной книги.

Стихи его – это вехи его духовного возрастания, вехи очнувшейся от личного забвения души, путь души – истинный путь поэзии.

Владимир Дмитриевич Цыбин.

(2001 год)

